

ли влияния на его поступки, на его образ чувств и действий, всегда сохранявший благородство и высоту. Он был строг к себе и даже щепетилен; его великодушные не могло помириться не только с темным или недобрым поступком, но и с темным или недобрым чувством. Он трудился и жил, постоянно воспитывая в себе наилучшие чувства и действуя не только безукоризненно и бескорыстно, а часто самоотверженно». ⁹⁵ Противоречат запоздалые примечания и обещания, данным Страховым во вступлении к «Воспоминаниям»: «Постараюсь... со всею искренностью и точностью указать его личные свойства и отношения, какие мне довелось узнать». ⁹⁶ Толстому противоречия запутавшегося в чувствах и мыслях автора были видны как на ладони.

По-видимому, Толстой обладал ключами и к внутренней жизни Страхова, который постоянно и эмоционально исповедовался перед ним, обнажая язвы души с максимальной для такого закрытого человека откровенностью. Началось это давно, еще на ранней стадии переписки; перед отъездом Страхова в Италию весной 1875 года Толстой осторожно попытался заглянуть в душу человека, общение с которым (не только эпистолярное) стало для него уже необходимостью: «Очень, очень хотелось бы повидать вас. Вы думаете, что я о себе одном думаю. Напрасно. Я чувствую людей, которых я люблю, и я чувствую вас и знаю, что в вас в эти два (кажется) года, в которые мы с вами не видались и в которые вы ничего не печатали (кажется), многое выросло внутри, и я догадываюсь, но мне хочется подробно узнать, ощупать, что и куда?» ⁹⁷

В ответном письме из Рима Страхов признался, что «не был откровенен, говоря о самом себе», «скрывался» от Толстого. И немного приоткрыл причину такой скрытности: «Скажу прямо — мне было *стыдно* открывать Вам то уныние, тот упадок духа, которые овладевают мною.

Я думал: вольность и покой
Замена счастью. Боже мой!
Как я ошибся, как наказан!

Может быть, я переживу этот период и обновится *моя юность яко орля*, но теперь я не вижу выхода. Вот два года, как я ищу дела и не нахожу его. Все меня слабо интересуется, все не дорастает до огня, который бы согрел всю душу. На эту тему я мог бы писать без конца, но мне это стыдно, — да притом это совершенно бесполезно и никому не интересно. В конце письма Вы высказываете очень хорошее пожелание: *будьте сильны*, Вы пишете. Да, именно этого мне следует пожелать». ⁹⁸

Полупризнания переживавшего кризис Страхова только раззадорили Толстого. Он посылает ему «коротенькое», но насыщенное образными определениями и советами письмо, которое критик выучит наизусть и будет через большой промежуток времени вспоминать как самое важное и животрепещущее послание. Толстой вновь, но гораздо отчетливее выразил сокровенное желание заглянуть в душу Страхова, в его внутренние «апартаменты»: «Немножко мне открылось ваше душевное состояние, но тем более мне хочется в него проникнуть дальше. И желание мое законно: оно не зиждется на умственном интересе, а на сердечном влечении к вам. Бывают души, у которых одни двери — прямо в жилые комнаты. Бывают большие двери, маленькие, настежь и запертые; но бывают с сенями и с подвальными и па-

⁹⁵ Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. С. 318.

⁹⁶ Там же. С. 169.

⁹⁷ Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов. Полное собрание переписки. Т. 1. С. 205.

⁹⁸ Там же. С. 207.